

Церковский Александр Леонидович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской
и зарубежной литературы
Белорусского государственного
педагогического университета
имени Максима Танка
г. Минск, Беларусь

Alexander Tserkowski

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Belarusian
and Foreign Literature of the Belarusian
State Pedagogical University named
after Maxim Tank
Minsk, Belarus
alexander.tserkovski@gmail.com

**ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ
АЛЛЮЗИЙ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

**HERMENEUTIC ASPECTS IN THE INTERPRETATION OF BIBLICAL
ALLUSIONS IN A FICTIONAL TEXT: METHODOLOGY**

В статье представлены герменевтические параметры анализа библейских аллюзий в художественном произведении. Автор дает описание исторической трансформации герменевтической методологии интерпретации литературного текста. Особое внимание уделяется раскрытию роли библейских аллюзий в процессе понимания художественного текста. В статье сформулирована теоретико-методологическая модель герменевтических интерпретаций библейских аллюзий в литературных произведениях, которая включает в себя следующие категории и понятия: контекстуальный и интертекстуальный анализ, горизонт понимания, диалектика части и целого, герменевтический процесс как спираль, герменевтическая объективность и открытость, роль читателя и авторского намерения.

Ключевые слова: литературная герменевтика, герменевтический круг, библейские аллюзии, художественный текст, интерпретация.

The article discusses the hermeneutic parameters of analysing biblical allusions in a work of fiction. The author describes the historical transformation of hermeneutic methodology of literary texts' interpretation. Special attention is paid to the disclosure of the role of biblical allusions in the process of understanding of literary texts. The article formulates a theoretical and methodological model of hermeneutic interpretation of biblical allusions in literary works, which includes the following categories and notions: contextual and intertextual analysis, the horizon of understanding, dialectic of part and whole, the hermeneutic process as a spiral, hermeneutic objectivity and openness, the role of the reader and the author's intention.

Key words: literary hermeneutics, hermeneutic circle, biblical allusions, literary text, interpretation.

Герменевтический подход в рамках литературоведения представляет собой сложный комплекс междисциплинарных исследований и системы методологических инструментов, научно сформированных преимущественно в западноевропейском и позднее в российском академическом дискурсе XX века. Литературная герменевтика акцентирует внимание на методологии интерпретации смыслов и образов художественного произведения, предполагающей многоуровневый анализ и экзегетику литературного текста, через призму которого осуществляется реконструкция и экспликация полифонии идей и контекстуальных аспектов понимания литературы, что обуславливает ее ключевую роль в эпистемологической структуре литературоведческой науки. Цель статьи – сформулировать теоретико-методологическую модель герменевтических интерпретаций библейских аллюзий в литературных произведениях.

Теоретическую и методологическую основу данного исследования составляют труды таких отечественных и зарубежных ученых в области гуманитарного знания, как Г. Богин [1], Х. Гадамер [2], В. Дильтей [3], Л. Егорова [4], О. Калугина [5], В. Луков [6], В. Розанов [7], В. Тюпа [8], J. Culler [9], Т. Kalaga [10].

Развитие методологии исследования художественной литературы обусловлено влиянием богословской герменевтики, в частности, экзегетическими трактовками Священного Писания, которые способствовали формированию глубоко осмысленного и многоуровневого подхода к анализу текста, где центральным категориальным аспектом является понятие «духа». Это предполагает переход от формальной интерпретации к глубинному, духовному осмыслению текста, выявляющему внутренние смысловые уровни и намерения автора.

Для конструирования теоретико-методологической модели герменевтических интерпретаций библейских аллюзий в литературных произведениях необходимо раскрыть особенности исторической трансформации герменевтической методологии.

Литературная герменевтика, оформившаяся в синтезе с философской герменевтикой, интегрировала в свою модель принципы анализа художественного текста, демонстрируемые в философско-герменевтических работах известных ученых и литературоведов.

Ф. Шлейермахер (1768–1834), выдающийся немецкий теолог и философ, заслуживает признания как основоположник современной герменевтической теории. Он отходит от традиционных греческих подходов

к интерпретации текста, которые рассматривали акты интерпретации преимущественно в рамках логических и риторических категорий. В отличие от этого, он вводит понятие интерпретации как *инстинкта и активности*, присущих самой жизни.

Ф. Шлейермахер полагал, что процесс герменевтического круга является фундаментально незавершенным и представляет собой бесконечное движение мысли внутри постоянно расширяющегося эпистемологического круга восприятия художественного текста, в которой важное значение имеет «дивинация» – особый вид угадывания смысла [1, с. 65], процесс глубокого понимания текста, который включает в себя интуитивное проникновение в мысли и чувства автора для раскрытия смысла текста. Этот процесс, по Ф. Шлейермахеру, подразумевает не только логический анализ текста, но и эмпатическое, интуитивное восприятие, позволяющее интерпретатору более полно понять и воссоздать намерения автора.

В герменевтической концепции Х. Гадамера [2] ключевую роль играет понятие традиции. Х. Гадамер определяет герменевтический опыт как процесс, в котором с одной стороны присутствует принадлежность к традиции, а с другой – осознание исторической дистанции между субъектом (говорящим) и интерпретатором.

Х. Гадамер акцентирует внимание на временном интервале, разделяющем автора и интерпретатора текста, рассматривая его как возможность для позитивного и продуктивного понимания, и подчеркивает, что смысловые возможности текста значительно шире, чем первоначальные намерения его создателя. Х. Гадамер указывает на то, что понимание текста – это динамический процесс, в котором интерпретатор постоянно движется между целым и его частями, стремясь к более глубокому осмыслению. Этот процесс сравним с кругом, который расширяется по мере того, как интерпретатор включает текст во всё более широкие контексты, что, в свою очередь, обогащает понимание отдельных элементов текста. Таким образом, понимание всегда развивается и никогда не является окончательным, поскольку каждое новое включение в контекст приносит новые уровни смысла: «...понимание – это всегда самодвижение в таком круге, в силу чего столь существенным является возврат от целого к частям и наоборот» [2, с. 238].

В своей фундаментальной работе «Герменевтика и теория литературы» [3] В. Дильтей существенно расширил концепцию герменевтического круга, интегрируя в его структуру философские взгляды автора, его пси-

хологический аспект и контекст социально-культурных обстоятельств, которые оказали влияние на процесс создания произведения. В. Дильтей подчеркивал, что процесс познания – это взаимосвязанный акт, в котором субъект познания осмысливает себя через контекст других, в то время как понимание других осуществляется через личный опыт и внутренний мир познающего субъекта.

В. Дильтей указывает на проблему восприятия художественного текста, связанную с определением красоты через воздействие на чувства. Он подчеркивает, что не все чувственные воздействия можно считать эстетическими, выделяя разницу между грубым воздействием и тем, которое вызывает эстетическое восхищение. Для анализа эстетического воздействия необходимо заранее иметь понятие о том, что считать эстетически значимым. Это подчеркивает сложность определения и изучения красоты в искусстве: «Эстетика, основанная на анализе впечатления, движется по кругу, из которого она сама по себе не может полностью вырваться. Стремясь отыскать факторы прекрасного, критерием этого последнего она имеет силу его воздействия на чувство» [3, с. 463].

М. Хайдеггер представил альтернативное осмысление концепции герменевтического круга Ф. Шлейермахера, опровергая идею о его неразрешимости. М. Хайдеггер аргументировал, что процесс герменевтического круга следует воспринимать не как замкнутый порочный цикл или непреодолимое препятствие, а как открытую позитивную возможность для достижения глубинного, первичного понимания текста.

По Хайдеггеру, герменевтический круг представляет собой процесс, в котором читатель, встречаясь с конкретным текстом в определенный момент времени, постепенно проникает в глубины универсального смысла, преодолевая ограничения своего непосредственного восприятия.

В контексте развития новейшей литературной герменевтики знаменательным является вклад американского литературоведа Э. Хирша, особенно его труды «Достоверность интерпретации» (1967), «Три измерения герменевтики» (1972) и «Цели интерпретации» (1976). Как указывает В. А. Луков, Э. Хирш в своих работах по литературной герменевтике предлагает систематический подход к интерпретации текстов, акцентируя внимание на важности учета авторского замысла [6, с. 238].

В рамках своих попыток трансцендировать проблематику «герменевтического круга», характеризующегося как эпистемологическое напряжение между попытками экстракции универсального смысла из дискрет-

ных фрагментов текста и последующим синтезом этих частичных интерпретаций в целостный образ, Э. Хирш предлагает трехмерную структуру интерпретации. Эта структура включает дескриптивное измерение, основанное на полисемантической интерпретации текста как множества знаков, имеющих равнозначное онтологическое положение и не подлежащих предпочтению; нормативное измерение, отражающее этический выбор исследователя, придающего определенному значению преимущественное внимание; и метафизическое измерение, ориентированное на объективное историческое исследование текста, направленное на реконструкцию его первоначального смысла (см. подробнее: [4, с. 38], [9, с. 314]). Такой подход Э. Хирша подразумевает, что первоначальное значение текста (в семиотических терминах – денотат) может быть достигнуто и установлено, если основываться на самом тексте, при этом уравнивая значимость всех коннотаций и осуществляя этический выбор в пользу наиболее релевантного из них.

Русский писатель, публицист и философ В. Розанов в своем труде «О понимании» [7] также вносит важный вклад в дискуссию о герменевтике, идентифицируя понимание с разумом. В. Розанов утверждает, что всякая активность разума по своей сути является пониманием, и это понимание является основной целью разумной деятельности. В. Розанов различает ум и разум в контексте их проявления и роли в жизни человека. Разум ассоциируется с теоретической деятельностью, выражаясь в моментах глубокого понимания и всеобъемлющего осмысления: «Разум раскрывается в теоретической деятельности человека и отражается в жизни только в те редкие моменты, когда сама жизнь пытается стать его отражением. Его ясность обнаруживается в правильности и простоте понимания, его сила обнаруживается во всеобъемлемости этого понимания» [7, с. 25]. Эти взгляды В. Розанова подчеркивают значимость интеллектуального восприятия в процессе интерпретации, расширяя тем самым рамки герменевтического анализа.

Значительный вклад в развитие литературной герменевтики внес М. Бахтин, чьи переизданные и впервые опубликованные работы подтвердили его статус как одного из пионеров и глубоких исследователей в этой области. Бахтинский подход к герменевтике, основанный на диалогичности и полифоничности текста, представляет собой значительное углубление и расширение герменевтической методологии (см. подробнее: [5, с. 414]).

Кроме того, как отмечает В. А. Луков, заслуживает внимания и вклад Д. Лихачева в область текстологии, который, развивая свой методологический арсенал, существенно обогатил герменевтический подход к анализу литературных текстов [6, с. 239]. Его работы в области текстологии демонстрируют глубокую взаимосвязь между герменевтическими и текстологическими исследованиями, выступая мостом между традиционным литературоведением и более новыми формами интерпретативного анализа.

В диалектическом подходе к пониманию библейских аллюзий в литературном тексте главной категорией выступает *целостность понимания художественного произведения*. Целостность представляет собой ключевой принцип, позволяющий трансцендировать границы герменевтического понимания библейских аллюзий и достигать более глубокого уровня восприятия текста в рамках диалектического процесса интерпретации. Теоретик литературы В. Тюпа, раскрывая понятие целостности понимания художественного текста, уточняет, что произведение должно открываться «...семиозстетическому анализу – научному познанию художественной реальности, в равной мере учитывающему оба ее предела: семиотический (текст) и эстетический (смысл)» [8, с. 49].

Книга Т. Калага «Литературная герменевтика: от методологии к онтологии» [10] исследует эволюцию литературной герменевтики от методологической дисциплины к онтологической, уделяя особое внимание концепциям *значения, интерпретации и достоверности* [10, с. 121]. В ней исследуются работы Шлейермахера, Хирша, Гадамера и Рикёра, показывая, как герменевтика сместилась в сторону онтологического инструмента осмысления личности интерпретатора.

Сформулируем теоретико-методологическую модель герменевтических интерпретаций библейских аллюзий в литературных произведениях. Такая модель должна представлять собой многоуровневую эпистемологическую систему, интегрирующую методы литературоведения, семиотики, философии текста и герменевтики для достижения глубинного понимания текста. Ключевые элементы этой модели следующие:

Контекстуальный и интертекстуальный анализ. Контекстуальный анализ в интерпретации библейских аллюзий в художественном тексте подразумевает изучение условий, в которых создавался текст, включая исторический, культурный, социальный и религиозный контексты жизни

автора и его аудитории. Этот подход позволяет лучше понять, почему выбраны именно эти аллюзии и какое значение они могли иметь для первоначальных читателей.

Интертекстуальный анализ фокусируется на отношениях между текстами, исследуя, как один текст отсылает к другому через цитирование, аллюзии, пародии и так далее. В случае библейских аллюзий, интертекстуальный анализ помогает определить, как и почему художественный текст взаимодействует с библейскими историями, персонажами или мотивами, предлагая новые интерпретации как библейских текстов, так и самого художественного произведения.

Интерпретация библейской аллюзии также требует понимания ее первоначального контекста в Библии. Исследователь должен рассмотреть, как первоначальное значение библейской аллюзии переосмысливается в художественном тексте. При этом библейская аллюзия в художественном тексте вступает в диалог не только с первоисточником из Библии, но и с другими текстами и культурными артефактами, формируя многомерную семиотическую сеть.

Литературным примером, демонстрирующим значимость контекстуального и интертекстуального анализа, может выступить «Улисс» Д. Джойса. Контекстуальный анализ помогает понять, какие аспекты ирландской культуры и истории Джойс включает в свой роман через библейские аллюзии. Интертекстуальный анализ выявляет, как Джойс использует эти аллюзии для создания сложных символов и образов, которые одновременно отражают и трансформируют текст библейского первоисточника, предлагая читателям глубокое многоуровневое понимание «Улисса».

Горизонт понимания. Этот термин относится к предпосылкам и предубеждениям, которые исследователь привносит в процесс интерпретации. В интерпретации библейских аллюзий в художественном тексте горизонт понимания играет ключевую роль, поскольку он определяет, как читатель распознает, понимает и интерпретирует эти аллюзии на основе культурно-исторических знаний о Библии и ее контексте.

Литературный пример, иллюстрирующий важность горизонта понимания в интерпретации библейских аллюзий, – «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина. Хотя Толкин явно не называет свои произведения христианской аллегорией, в них можно обнаружить множество библейских мотивов и символов, таких как жертвенность, искупление и борьба между

добром и злом. Читатели с разным горизонтом понимания могут интерпретировать эти элементы по-разному: кто-то может видеть в них явные христианские аллюзии, в то время как другие могут воспринимать их как более общие моральные или философские темы.

Диалектика части и целого. Этот принцип подразумевает, что для полного понимания любого элемента (части) текста необходимо рассматривать его в контексте всего текста (целого), и наоборот, понимание общего смысла текста формируется через анализ его отдельных компонентов. Согласно этому принципу, понимание отдельной библейской аллюзии возможно только через понимание всего художественного текста, в то время как понимание общего текста уточняется и обогащается через понимание каждой отдельной аллюзии.

В контексте интерпретации библейских аллюзий в художественном тексте этот принцип предполагает, что аллюзии не могут быть полностью поняты изолированно от остального текста. Их значение и функция раскрываются через взаимосвязь с другими темами, мотивами и сюжетными линиями произведения. Одновременно общее восприятие и интерпретация художественного текста обогащаются и углубляются через понимание включенных в него библейских аллюзий.

Литературным примером, демонстрирующим герменевтическую диалектику части и целого, может служить роман Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». В этом произведении библейские аллюзии играют важную роль в раскрытии философских и этических тем, затрагиваемых автором. Например, рассказ Ивана Карамазова о Великом инквизиторе наполнен библейскими отсылками и аллюзиями, которые не только раскрывают собственное содержание этого эпизода, но и вносят значимый вклад в понимание центральных вопросов о вере, свободе и морали, пронизывающих весь роман. Таким образом, аллюзии (часть) и общая тематика романа (целое) взаимно обогащают и уточняют понимание друг друга.

Герменевтический процесс как спираль. В отличие от строгого круга, процесс интерпретации библейских аллюзий в художественном тексте можно представить как спираль, где каждый новый этап анализа углубляет и расширяет понимание, позволяя исследователю возвращаться к уже рассмотренным аспектам с новой перспективой. Этот процесс особенно актуален при работе с библейскими реминисценциями в художественных текстах, где первоначальное понимание аллюзии может быть поверхностным или ограниченным, но глубина и многослойность смыслов раскрываются по мере дальнейшего анализа и размышления.

Литературным примером, демонстрирующим герменевтический процесс как спираль, может служить роман У. Фолкнера «Шум и ярость». В этом произведении библейские аллюзии вплетены в структуру повествования, придавая слою значений различным событиям и персонажам. Интерпретация библейских аллюзий в контексте романа требует от читателя не только знания библейских текстов, но и глубокого погружения в мир Фолкнера, его символику и многоуровневую структуру повествования. По мере повторных чтений и размышлений читатель может обнаружить новые связи и смыслы, постепенно углубляясь в понимание как библейских аллюзий, так и самого романа.

Герменевтическая объективность и открытость. Этот принцип подчеркивает важность открытости к многообразию потенциальных интерпретаций и признания полифоничности и многозначности библейских реминисценций в художественном тексте. Герменевтическая объективность не означает полного отсутствия субъективности; скорее, она признает, что любая интерпретация неизбежно включает в себя личные взгляды и предварительные понимания интерпретатора, но стремится к объективности через методический анализ и рефлексию, требует от интерпретатора умения балансировать между личным восприятием и общепринятыми трактовками, исследуя слою значений и возможные интерпретации без предвзятости. Это позволяет раскрыть глубину и многообразие аллюзий, обогащая понимание как самого художественного текста, так и библейских сюжетов, на которые он ссылается.

Например, в романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова используется ряд библейских аллюзий, что открывает множество уровней толкования и понимания как библейских событий, так и событий в самом романе. Булгаков представляет свою версию истории о Пилате и Иешуа Га-Ноцри, что создает предпосылки для герменевтической объективности со стороны интерпретатора, поскольку сам автор не стремится дать однозначную оценку историческим событиям, описанным в Библии, а предлагает читателю многогранное и глубокое осмысление евангельского сюжета. Герменевтическая открытость проявляется в возможности различных трактовок этой истории читателями, которые могут видеть в ней как религиозную аллегорию, так и критику современного автору общества или его размышление о природе власти и справедливости.

Роль читателя и авторского намерения. В интерпретации библейских аллюзий в художественном тексте функция читателя и авторского намерения имеет ключевое значение. Автор использует аллюзии как способ

обогащения текста, добавления глубины и многослойности, ссылаясь на общеизвестные библейские истории или персонажей, чтобы вызвать определенные ассоциации или эмоции. Авторское намерение здесь заключается в том, чтобы внести дополнительный контекст и значимость в текст, используя аллюзии как инструмент для передачи определенных идей, тем или моральных вопросов.

Читатель, в свою очередь, активно участвует в процессе интерпретации этих аллюзий. Знание библейских сюжетов позволяет ему расшифровать скрытые значения и подтексты, заложенные автором в текст. Однако интерпретация может значительно различаться в зависимости от индивидуальных знаний, опыта и взглядов читателя. Это создает многообразие толкований, делая процесс чтения более личным и многогранным.

Важно отметить, что и авторское намерение, и роль читателя в интерпретации не являются статичными; они могут переплетаться и взаимодействовать друг с другом, создавая уникальный опыт чтения для каждого читателя. В этом контексте библейские аллюзии становятся не просто ссылками на древние тексты, а инструментами для создания богатой ткани художественного текста, приглашая читателя к активному размышлению и участию в процессе интерпретации.

Литературным примером, где раскрывается особая герменевтическая роль читателя и авторского намерения в интерпретации библейских аллюзий, является роман «Моби Дик» Г. Мелвилла. В этом произведении автор использует множество библейских отсылок и аллюзий, включая имена персонажей (например, Ахав, который назван в честь израильского царя Ахава) и прямые цитаты из Библии. Мелвилл исследует темы судьбы, свободы воли, греха и искупления, опираясь на библейский контекст, что предоставляет богатый материал для интерпретации.

Авторское намерение в «Моби Дик» может быть интерпретировано как стремление исследовать глубокие моральные и философские вопросы через призму библейских аллюзий, придавая истории охоты на кита метафизические измерения. В то же время роль читателя в интерпретации этих аллюзий зависит от его личных знаний, предпосылок и опыта. Некоторые читатели могут увидеть в произведении исследование границ человеческой гордыни и борьбу с неизбежной судьбой, в то время как другие могут фокусироваться на религиозных и этических аспектах конфликта между Ахавом и Моби Диком.

Применение этой теоретико-методологической модели интерпретации библейских аллюзий в художественных текстах предполагает нелинейный, диалогический и многослойный подход к анализу произведения, который учитывает как его текстуальную целостность, так и богатство и разнообразие культурных, исторических и личностных контекстов.

Таким образом, основу герменевтического толкования библейских аллюзий в художественных текстах составляет диалектический процесс понимания, где читатель исследует взаимосвязь между частью (аллюзией) и целым (текстом). Эта взаимосвязь осложняется историческими, культурными и текстовыми слоями, требующими глубокого анализа для раскрытия скрытых смыслов.

Герменевтический подход к интерпретации библейских аллюзий в художественном тексте выступает не только как инструмент филологического анализа, но и как философско-семиотическая система, направленная на раскрытие межличностных и культурных взаимодействий, заложенных в тексте. Это расширение подхода подчеркивает важность герменевтики в исследовании глубинных структур человеческого сознания и культуры через текстуальный анализ.

Модель для интерпретации библейских аллюзий в художественных текстах, интегрирующая методы литературоведения, семиотики, философии текста и герменевтики для достижения глубинного понимания текста, включает в себя следующие категории и понятия: контекстуальный и интертекстуальный анализ, горизонт понимания, диалектика части и целого, герменевтический процесс как спираль, герменевтическая объективность и открытость, роль читателя и авторского намерения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богин, Г. И.* Филологическая герменевтика / Г. И. Богин. – Калинин : Из-во КГУ, 1982. – 86 с.
2. *Гадамер, Х. Г.* Истина и метод / Х. Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 700 с.
3. *Дильтей, В.* Герменевтика и теория литературы / В. Дильтей ; под ред. В. В. Библихина и Н. С. Плотникова. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. – 531 с.

4. *Егорова, Л. П.* Герменевтика и феноменология как арсенал современного литературоведения / Л. П. Егорова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2022. – № 27–1. – С. 30–39.
5. *Калугина, О. А.* Теоретико-методологические предпосылки использования герменевтической методологии к пониманию художественного текста / О. А. Калугина // МНКО. – 2021. – № 4 (89). – С. 413–415.
6. *Луков, В. А.* Литературная герменевтика / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 3. – С. 238–239.
7. *Розанов, В. В.* О понимании: опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / В. В. Розанов. – М. : Танаис, 1995. – 808 с.
8. *Тюпа, В. И.* Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ) / В. И. Тюпа. – М. : Лабиринт, РГГУ, 2001. – 192 с.
9. *Culler, J.* Hermeneutics and Literature / J. Culler // The Cambridge Companion to Hermeneutics. Cambridge Companions to Philosophy. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2019. – P. 304–325.
10. *Kalaga, T.* Literary Hermeneutics: From Methodology to Ontology / T. Kalaga. – Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2015. – 155 p.

Поступила в редакцию 26.01.2024